

щего за ним. В отличие от религии философия не дает способа избавления от греха. Философия анализирует грех, теоретически его осмысляет, но философский метод не может преодолеть грех. В целом грех в философской интерпретации представляет собой термин, обозначающий некое негативное, деструктивное поведение, состояние мысли, воли и чувств. У ряда авторов грех выходит за рамки антропологических представлений и трактуется в качестве социального зла и порока. На наш взгляд, в самом общем виде основные источники философского описания греха можно дифференцировать следующим образом. Первая группа источников – это развитие христианских смыслов в понимании греха с привнесением авторского языка интерпретации, иногда с отклонением от христианской традиции. Вторая группа источников в описании греха – это рассмотрение деструктивных явлений, которые по содержанию совпадают с понятием «грех» либо могут интерпретироваться как грех. Вопрос о переносе данных понятий на религиозный язык либо применение к данным явлениям религиозных понятий необходимо обговаривать отдельно, но теоретически такой переход возможен. И третья группа источников – это использование понятия греха для усиления нравственного и этического взгляда на мир. Как правило, здесь в меньшей степени актуализируются христианские смыслы в понимании греха, а доминирует авторское видение различных несоответствий.

В качестве заключения скажем, что грех – это целостное смысловое поле, порождающее культурные смыслы, образцы и переживания. К сожалению, данное поле вымывается из современной культуры, а вместе с ним теряется и особое уникальное видение бытия. На сегодня нельзя сказать, что есть переживание, такое же емкое по содержанию, которое бы пришло на смену греху. Вместе с потерей представлений о грехе теряется и соответствующая антропология, особо глубоко и тонко чувствующая, происходит исчезновение некоего тона и стиля мироощущения.

Список литературы

1 Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. М. : Политиздат, 1991. 525 с.

2 Хоружий С. С. *К феноменологии аскезы*. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 358 с.

Б.С. Шалютин, г. Курган

СОБСТВЕННОСТЬ – ВЛАСТЬ – НАКОПЛЕНИЕ – ЛИЧНОСТЬ. ШТРИХИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

(ОТ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ ДО
ОБЩЕСТВ НОВОГО ВРЕМЕНИ)

shalutinbs@mail.ru

1 Антропологами описан межгрупповой дарообмен в архаических обществах, в том числе у охотников-собирателей, общепринято трактуемый как система поддержания мира. Однако, насколько я знаю, в литературе нет специального анализа природы связи между дарообменом и миром.

2 Описанная Гоббсом картина естественного состояния как войны всех против всех, обусловленной столкновением бесконечности притязаний субъектов (права на все), не только логична, но и согласуется с эмпирическими данными социальной антропологии. Выход из этого состояния предполагает, по Гоббсу, отказ субъектов от бесконечности собственных притязаний и взаимное признание каждым притязаний других в качестве базы общественного договора как альтернативы войне.

3 Думаю, конструкция Гоббса – ключ к пониманию сущности дарообмена. Дар и есть не что иное, как выражение отказа от притязания на преподносимую вещь, признание другого правообладателем и, таким образом, субъектом правоотношений и субъектом вообще, то есть не вещью, а тем, за кем признаются его жизнь как право и имманентная свобода. Это признание объективируется в вещи как собственности. Возникающая в результате принятия дара обязанность эквивалентного отдарка выражает равенство контрагентов. Дарообмен, таким образом, представляет собой систему правоотношений как договоров равных субъектов, признающих друг за другом классическую триаду жизнь – свобода – собственность, и выражает альтернативность права силе, войне. Институт собственности, как и право в целом, возникает в пространстве МЕЖсоциальных отношений.

4 В Российском и в целом постсоветском пространстве, где продолжают осознанно или, большей частью, неосознанно воспроизводиться марксистские взгляды, следует особо подчеркнуть, что ИЗНАЧАЛЬНО институт собственности не имеет никакого отношения к производству, не является «производственным отношением», ибо возникает задолго до всякого производства, и никак не связан с ЭКОНОМИКОЙ.

5 У охотников-собирателей отсутствует феномен накопления⁸, развивающийся только в про-

⁸ За исключением так называемых специализированных охотников-собирателей, обитающих в сверхблагоприятных природных условиях.

изводящих обществах. При этом и у охотников-собирателей, и на заре производящего хозяйства отношения по поводу вещей (исходно, прежде всего, пищи) ВНУТРИ неделимого на политические сегменты общества или в первичных (простейших) политических сегментах кардинально отличаются от межсоциальных. Здесь никто ни у кого ничего не отнимает, правило состоит в том, что люди ДЕЛЯТСЯ друг с другом.

6 Едва ли есть основания сомневаться, что это правило унаследовано от животных предков. Как показано приматологами, оно характерно для шимпанзе и бонобо, причем чаще делятся доминирующие особи. Название лидера группы в архаических языках нередко означает «раздающий». Щедрость, прямо противоположная концентрации имущества, – качество, имеющее очень высокую ценностную маркировку и тесно связанное с высоким статусом в группе.

7 Бигмен в ранних производящих обществах, работая больше и лучше всех и получая максимальный продукт, по уровню потребления не отличается от остальных. По-видимому, атрибутивное человеческой природе (именно природе!), хотя и выраженное у разных индивидов в разной степени, стремление к повышению своего статуса в группе реализуется у него через демонстрацию щедрости и возникновение благодарности, а отчасти и обязанности, у тех, кто от него нечто получает. То есть ценность имущества состоит в том, что его можно конвертировать в обретение и повышение социального (в известной мере, прото-властного) статуса. Само по себе обладание имуществом не имеет позитивной социальной маркировки, а его накопление даже противоречит ей, почему и оказывается невозможным.

8 Накопление становится возможным – причем вследствие соединения целого ряда обстоятельств – только в вождестве. Уже простое вождество – это не face-to-face society. Оно состоит из ряда относительно автономных сегментов (часто для их обозначения антропологи используют термин община), один из которых возвышается над другими; лидер его и есть общий вождь. Превосходство этого сегмента⁹ закрепляется посредством религиозно-мифологической идеологии, утверждающей его наиболее близкую родственную связь со сверхъестественными существами¹⁰. Сегмент вождя начинает получать больше всех подарков. И хотя исходно, как и у бигмена, они обмениваются на своего рода социальный капитал в виде дополнительного закрепления и дальнейше-

го повышения статуса, постепенно сегмент вождя обретает имущественное превосходство в сравнении с другими. Условиями этого оказываются, во-первых, то, что имущественное расслоение возникает хотя и в одном обществе, но между разными политическими сегментами, некогда самостоятельными (то есть между хотя и своими, в отличие от принадлежащих другим вождествам и иным обществам чужих, но, так сказать, не совсем наполовину своими); во-вторых, что властный статус правящего сегмента прочно закреплен идеологически и уже не может быть поколеблен поведением, противоречащим (хотя бы отчасти) традиционному достоинству щедрости.

9 Вопреки марксизму, система власти не создается для защиты имущества богатых. Зависимость обратная. Именно власть, во-первых, создает возможность имущественного расслоения; во-вторых, становится механизмом его возникновения.

10 Аксиологическая метаморфоза, которая ВЛАСТИ позволила ПРИВИЛЕГИЮ имущественного накопления, привела к тому, что богатство стало символизировать власть¹¹.

11 Одаривание со стороны обладателей власти и богатства, создававшее обязательства у тех, кто не мог сделать эквивалентного имущественного отдарка, привело к возникновению квазиотдарков в виде услуг, откуда, видимо, вырос феномен ОПЛАТЫ ТРУДА. Таким образом, богатство стало не только символом власти, но и дополнительным к идеологии ее источником, механизмом управления волей других субъектов. С появлением государства к этим двум добавилось еще и внутрисоциальное силовое принуждение.

12 Развитие силовой и идеологической власти приводит каждую к иерархической институционализации, при этом отношения между ними варьируют от неразрывного единства до довольно высокой автономии и конкуренции, однако при несомненной взаимной опоре. Богатство же, сосредоточенное непосредственно у властвующих субъектов или находящееся в распоряжении вполне контролируемых ими лиц, долго остается вспомогательным механизмом управления подданными.

13 По мере накопления у властвующих субъектов значительного имущества межсоциальный обмен обретает характер ТОРГОВЛИ. Формируется особая категория людей, которые ею занимаются, – купцы. Утверждение и развитие феномена торговли требуют закрепления за купцом возможности по полной собственной воле распоряжаться значительными накапливаемыми материальными ценностями, за купцом КАК ЧАСТНЫМ ЛИЦОМ,

⁹ Генезис этого превосходства здесь нет возможности рассматривать, но оно не является следствием военно-силового подчинения (вопреки концепции Карнейро, широко известной, но разделяемой, кажется, только ее автором).

¹⁰ В модифицированном виде представление о божественном происхождении власти сохраняется до Нового времени.

¹¹ Возникнув в вождестве, этот феномен надолго сохранился и в государственных обществах. Такова природа, например, царских сокровищниц, обычно не имевших (или имевших незначительное) прагматического применения.

не входящим во властно-идеологическую вертикаль. Это закрепление происходит НЕВЕРТИКАЛЬНЫМ образом. Торговая сделка между властвующим субъектом и купцом происходит не с позиции силы, а как акт взаимного добровольного признания, то есть ГОРИЗОНТАЛЬНО, как договор. Институт собственности, ранее действовавший только в отношениях между обществами, инкорпорирует в себя частных лиц. Возникает феномен ЧАСТНОЙ собственности, не предполагающей той «дележки», которая характерна для шимпанзе и бонобо, охотников-собирателей или бигменов¹². Возникает ЧАСТНОЕ ПРАВО. Возникает ЧАСТНЫЙ ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ ПРАВОотношений. Отношение между властью, с одной стороны, и частным лицом, собственником имущества, – с другой, оказывается правоотношением, последний признается в качестве свободного самостоятельного субъекта.

14 Контрагентами в системе отношений собственности становятся НЕ ТОЛЬКО приблизительно равные силовые субъекты. Властвующий субъект, конечно, может в любой момент отнять любое имущество у частного лица, с которым совершена сделка, но это несовместимо с участием в системе торговых отношений. Частный собственник не только признается властью, заинтересованной в нем, но и в силу этой заинтересованности оказывается под ее защитой. Отнятие кем-либо имущества у частного лица оказывается, таким образом, не частным делом только того, у кого его отняли, но и нарушением поддерживаемого властью ПРАВОпорядка.

15 Развитие института частной собственности приводит к тому, что развивается автономное от власти СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ НА ОСНОВЕ ДОГОВОРОВ СВОБОДНЫХ СУБЪЕКТОВ – ЭКОНОМИКА. Однако экономико-правовые механизмы остаются до поры в подчиненном положении, подавляясь силовой властью в случае противоречия ее интересам.

16 Развитие экономики влечет концентрацию значительных богатств у частных лиц. Само богатство создает возможность властвования, то есть подчинения воли одних лиц другими. Централизованная идеолого-силовая государственная власть получает все усиливающегося конкурента в лице свободных собственников значительных материальных средств – субъектов экономических отношений, консолидация которых приводит через революции к победе экономической власти над прежней властной вертикалью.

17 Религия перемещается в приватную сферу.

¹² Как «отпочковавшийся» остаток этой «дележки» возникает феномен дарения в современном, вполне добровольном, личностном смысле, выделяясь из прежней неразделенности с формально-социальным, по сути предписанным, обязательным паттерном поведения.

ру. Силовая государственная власть остается и даже усиливается как системообразующая в обществе. Ее частичная легитимация опирается на публично провозглашаемую идеологическую конструкцию общественного договора, позже «склеенную» с новым квазирелигиозным националистическим сознанием, которое, в частности, воспринимает государственную власть центром организации национальной жизни¹³. Однако эта государственная сила теперь выполняет волю класса буржуазии – собственников значительного имущества. Если некогда богатство было вспомогательным механизмом у силовой власти, то теперь силовая власть становится инструментом укрепления власти капитала. Государства Нового времени действительно выражают волю экономически господствующего класса – буржуазии (здесь Марксов анализ современного ему общества в основном сохраняет свою силу), способствуя превращению пролетариев в рабов капитала. Полноценным социальным субъектом, личностью, участником общественного договора выступает только тот, кто обладает сколь-нибудь значительной собственностью¹⁴, через признание которой в качестве собственности он и признается субъектом, аналогично тому, как это имело место у охотников-собирателей.

18 Дальнейшая история европейского мира (в социокультурном, а не географическом смысле) в большой мере разворачивается вокруг преодоления жесткой связи признания индивида полноценным социальным субъектом и самоценной личностью с наличием у него значительных отчуждаемых ценностей, признания и со стороны государства, и со стороны других субъектов. Однако этот сюжет выходит за пределы тематики данных тезисов.

В.Д. Шинкаренко, г. Севастополь

**ТРАДИЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ
В КУЛЬТУРЕ**
vds55@inbox.ru

Каждая культура в любой момент времени воспроизводит собственные ценности. Ценности могут быть материальными и духовными, индиви-

¹³ Следует отметить, что эта легитимация так и остается частичной, что выражается в изобилии революций в период от начала Нового времени и по первую четверть XX века включительно.

¹⁴ Мысль Маркса о том, что пролетарий есть собственник своей рабочей силы, глубоко ошибочна, ибо понятие собственности имеет смысл по отношению к чему-либо ОТЧУЖДАЕМОМУ. Это отношение признания другими субъектами права данного субъекта на нечто отчуждаемое. Рабочая сила человека неотчуждаема от него.